

ПОЛИТОЛОГИЯ

DOI: 10.17805/ggz.2017.5.4

Национально-психологические особенности в процессах модернизации

Г. Ю. КАНАРШ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН, г. МОСКВА

Статья посвящена анализу роли такого фактора, как национально-психологические особенности в процессах модернизации. Показано, что этот фактор является значимым наряду с фактором институциональным. Проанализировано влияние соответствующих национально-психологических особенностей (национальных характеров) на модернизацию Запада и незападных стран, включая Россию. Рассмотрены особенности русского национального характера в его отношении к модернизации, а также роль полиэтничности как ресурса модернизации.

Ключевые слова: национально-психологические особенности; национальный характер; национальный менталитет; социальное развитие; модернизация; капитализм; мультикультурализм; полиэтничность; Запад; Россия; Восточная Азия

National and Psychological Features in Modernization Processes

G. YU. KANARSH

INSTITUTE OF PHILOSOPHY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, MOSCOW

The article deals with the analysis of the role of such a factor as national and psychological peculiarities in the processes of modernization. It is shown that this factor is significant along with the institutional factor. The author analyzes the influence of relevant national and psychological characteristics (national characters) on the modernization of the West and non-Western countries, including Russia. He considers the peculiarities of Russian national character in its relation to modernization and the role of polyethnicity as a resource for modernization.

Keywords: ethno-psychological features; national character; national mentality; social development; modernization; capitalism; multiculturalism; polyethnicity; West; Russia; East Asia

ВВЕДЕНИЕ

С чем связана актуальность изучения влияния национально-психологических особенностей на процессы развития? В практическом плане оно представляется важным по причине неравномерности развития различных стран мира, которое требует своего объяснения. С точки зрения нашего подхода (естественно-научного, характерологического (см.: Психотерапия здоровых..., 2015)) данная неравномерность в значительной мере связана с различием национально-психологических особенностей развивающихся стран (их национальных характеров). Так, с одной стороны, мы видим феноменальный экономический подъем современного Китая (вторая экономика мира после США), а до него — новых индустриальных стран Азии (Малайзия, Сингапур,

Таиланд, Южная Корея, Тайвань, Индонезия). С другой стороны — целый ряд стран, которые испытывают значительные трудности с вхождением в капитализм. В их числе и Россия.

Некоторые авторы делают достаточно радикальные заявления, говоря о том, что только Запад (Западная Европа и США), а также ряд стран Восточной и Юго-Восточной Азии действительно оказались способными к вхождению в Современность (см., например: Васильев, 2013).

Приведем две цитаты из работ авторитетных авторов, подтверждающие значимость национально-психологических особенностей в современном социальном развитии. Первая касается развития современного Китая, вторая — России.

По мнению В. Г. Бурова, «сучжи» — природные качества китайцев, включающие в себя удивительное трудолюбие, умение выживать в трудных условиях, способность быстро приспосабливаться к незнакомому национальному окружению, этническая сплоченность... бытовая неприветливость, делают китайский этнос жизнеспособным, готовым к любым жертвам во имя целей, сулящих выгоды в будущем. Подобные качества, несомненно, способствуют успешному осуществлению модернизации китайского общества...» (Буров, 2009: 186).

Как отмечают современные исследователи, «русским присуща чрезвычайно активная рефлексия, бросающая их от самовозвеличения к самоуничтожению и обратно. Это — творческая черта, которая однако противостоит рационализации. Культура народа оказалась фундаментально значимой в процессах модернизации XXI в., взявших за основу своего развития в 1990-е годы догоняющую Запад модель модернизации и переход к капитализму» (Федотова, Колпаков, Федотова, 2013: 43–44).

В теоретическом плане изучение данных особенностей важно по причине фундаментальных изменений в самой теории модернизации, а именно — осуществившемуся переходу от догоняющей к национальной модели модернизации, где решающую роль играют национальная культура и традиции (см.: Федотова, 2016).

К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Важным представляется вопрос о методологии исследований национально-психологических особенностей в модернизационных процессах. К сегодняшнему дню сложился целый ряд школ и направлений в исследовании национального характера и менталитета. Влиятельными являются школы культурной антропологии (Ф. Боас, М. Мид, Р. Бенедикт), а также этносоциологии (Г. Хофштеде) (см., например: Павловская, 2009а: 519–563; Моисеева, Сороковикова, 2003; Исследования национального характера и картины мира, 2002). В исследовании указанных особенностей широко применяются психоаналитические интерпретации (например, в рамках школы культурной антропологии), а также метод юнгианского анализа (выявление базовых национальных архетипов). В целом каждая из школ и направлений предлагают интересные гипотезы и концепции, которые с успехом могут быть использованы при анализе национально-культурных особенностей народа (например, метод составления ментальных карт, по Г. Хофштеде (см., например: Латова, Тихонова, 2010)).

Принципиальное отличие нашего подхода — его естественно-научная (не концептуальная, не теоретическая в узком смысле слова) ориентированность. Это значит, что исследование ведется с опорой на известные характерологические типы, что является результатом эмпирических (клинических, в широком смысле) исследований. Отметим, что современная естественно-научная (не психоаналитическая) типология ха-

ракторов сформировалась в рамках классической российско-германской научной школы (Э. Кречмер, П. Б. Ганнушкин, А. Е. Личко, К. Леонгард, М. Е. Бурно). Таким образом, исследователь-характеролог имеет в своем «распоряжении» гирлянду основных человеческих характеров (характерологических типов, радикалов), выведенных не отвлеченно-умозрительно, но на основании исследования сотен и тысяч людей (больных и здоровых).

Приведем гирлянду человеческих характеров, с современными (по М. Е. Бурно) и одновременно — классическими названиями:

- 1) сангвинический (синтонный) характер (циклоид);
- 2) напряженно-авторитарный характер (эпилептоид);
- 3) тревожно-сомневающийся характер (психастеник);
- 4) застенчиво-раздражительный характер (астеник);
- 5) педантичный характер (ананкаст);
- 6) замкнуто-углубленный, аутистический характер (шизоид);
- 7) демонстративный характер (истерик);
- 8) неустойчивый характер (неустойчивый психопат);
- 9) смешанные (мозаичные) характеры:
 - а) «грубоватый» характер (органический психопат);
 - б) «эндокринный» характер (эндокринный психопат);
 - в) «полифонический» характер (также в здоровой и болезненной своей выраженности) (Бурно, 2008: 9–10; Волков, 2013).

Еще одна важная особенность применяемого метода исследования — заключенное в нем представление о разных типах мироощущения, к которым тяготеют те или иные характеры людей. Так, в естественно-научной характерологии (существенно обогащенной в рамках психотерапевтической школы М. Е. Бурно) выделяются два основных природных типа мироощущения: реалистическое (материалистическое) и идеалистическое. Их основное различие в том, что человек-реалист по складу характера чувствует первичным свое тело по отношению к своему духу, тогда как человек-идеалист, напротив, чувствует первичность своего духа по отношению к телесному, материальному. Это различие природных мироощущений хорошо видится-чувствуется, например, при сравнении живописи художников реалистического и идеалистического складов (например, В. А. Тропинин и А. Модильяни, И. И. Левитан и М. В. Нестеров, П. П. Рубенс и С. Боттичелли (см. также: Разные характеры в живописном произведении...: Электронный ресурс).

Как это может работать по отношению к исследованиям национально-психологических особенностей? Дело в том, что известные типы характеров (характерологические радикалы) могут выступать в качестве известной доминанты в национальных характерах народов, придавая им определенную национально-психологическую окраску (что в определенной степени соответствует поиску базовой или модальной личности в американской культурной антропологии). Примеры таких национально-психологических доминант мы можем обнаружить уже в древнем мире. Так, например, условно, характер Древней Греции — это синтонный (сангвинический, естественно-жизнелюбивый) характер (древнегреческая религия, торговля, спортивные состязания, традиции полисного общения). Характер Древнего Египта — это замкнуто-углубленный (аутистический) характер, с присущим ему чувством первичности Духа по отношению к материи, телу (древнеегипетская иероглифика, религиозная символика, архитектура, представления о загробной жизни и т. д.). Характер Древнего

Рима — авторитарно-напряженный (эпилептоидный), с культом войны, «однозначно-прямолинейной» латынью, выстроенной системой государственного управления (власти), развитой системой права, натуралистическим искусством и т. д. (см.: Миже-рова, 2015).

Если говорить о сегодняшнем распространении основных типов характеров в мире, то очень широко можно говорить о выраженности замкнуто-углубленного характерологического типа на Западе (Северо-Западная Европа и Северная Америка) и в регионе Восточной и Юго-Восточной Азии (при этом на Западе — *мыслительная, рациональная аутистичность*, тогда как на Дальнем Востоке — *чувственно-интуитивная* (дзен в Японии, Китае и других странах Восточной Азии) (см.: Бурно, 2008: 49)).

Здесь необходимо пояснить, что понимается в естественно-научной характерологии под аутистичностью. Аутистичность — самособойность мышления и чувствования, независимость духовных, душевных движения человека от реальных фактов жизни. Обычно аутистическое мышление выражает себя в символах, концепциях и является природной характерологической основой научных открытий в математике, теоретической физике, философии. На нем основано абстрактное искусство (В. В. Кандинский, А. Матисс). Многие идеалистические учения, направления берут свое начало в аутистическом строе души их создателя (например, психоанализ З. Фрейда, экзистенциальная философия и психотерапия и др.) (об аутистическом характере см.: Бурно, 2008: 43–57; Волков, 2013: 276–324).

Между этими двумя макрорегионами располагается Россия, с более присущим ей материалистическим мироощущением (российская реалистическая проза, реалистическая живопись, клиническая, нежели психоаналитическая, психотерапия и т. д.), выраженной дефензивностью.

В свою очередь, понятие дефензивности происходит от латинского *defensio* — защита, оборона. Как поясняет М. Е. Бурно, «дефензивный человек — не авторитарный, не агрессивный, не склонный командовать, а наоборот, защищающийся, “поджимающий хвост” в той обстановке, где агрессивный “оскаливается”». Такой человек непрактичен в широком смысле, нерасторопен, душевно инертен, тормозим, рассеян, неуверен в себе, тревожно-мнителен, малодушен, стеснителен, астеничен (немощен), слабоволен, несообразителен, незащищен, робок, раним, склонен к сомнениям и самообвинению, обостренному чувству вины. Дефензивный печально-тревожен, углублен в себя. Самое существо его душевных переживаний — врожденная борьба чувства неполноценности с ранимым самолюбием. Эта борьба (конфликт) и сказывается конкретно вышперечисленными душевными свойствами, проявлениями» (Бурно, 2008: 127–128).

Полагаем, что именно эти душевные национальные особенности в значительной мере определяют характер процессов модернизации в указанных регионах.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЗАПАДА И НЕЗАПАДНЫХ СТРАН

Итак, Запад — первый регион мира, осуществивший у себя модернизацию (переход от традиционного общества к современному). Основой модернизации в Западной Европе — сначала в Голландии XVI–XVII вв., затем в Англии и Франции XVII–XVIII вв., а позже, в XIX в., в США — стало появление нового типа человека, получившего название автономного (самозаконодательствующего) индивида. С исторической точки зрения считается, что этот процесс произошел под влиянием трех великих духовных революций — Возрождения, Реформации и Просвещения (см.: Федотова,

2016: 301). В то же время, с точки зрения естественно-научной, модернизация Запада была бы невозможна без определенных природных, характерологических предпосылок, зачатки которых можно увидеть уже в образе жизни древнегерманских племен (и позже — в Средневековье).

Говоря о модернизации в эпоху Нового времени и в период новейшей истории, мы остановимся только на ключевом феномене современности — капитализме. Именно капитализм считается «ядром» новоевропейской цивилизации, с развитием которого в значительной мере связаны кардинальные изменения в других сферах жизни западного общества — политике, социальной сфере, культуре.

Классический труд, посвященный анализу капитализма современного типа (как «рационально организованного предприятия») — «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) немецкого социолога Макса Вебера. Концепция Вебера известна (происхождение духа капитализма из религиозной этики протестантизма), мы же обратим внимание на то, как Вебер описывает сам «капиталистический дух». Он основывается на двух основных исторических документах: своего рода этическом кодексе буржуа Бенджамина Франклина и подобном ему по «духу» религиозно-этическом кодексе английского богослова XVII в. Ричарда Бакстера. Оба документа, приводимые Вебером, характеризует прагматизм — особого рода деловитость, практичность.

Некоторые положения этического кодекса Б. Франклина:

«Помни, что время — деньги... <...> Помни, что кредит — деньги. <...> Помни, что деньги по природе своей плодородны и способны порождать новые деньги. <...> Помни пословицу: тому, кто точно платит, открыт кошелек других. <...> Следует учитывать, что самые незначительные действия оказывают влияние на кредит. Стук твоего молотка, который твой кредитор слышит в 5 часов утра и в 8 часов вечера, вселяет в него спокойствие на целых шесть месяцев; но если он увидит тебя за бильярдом или услышит твой голос в трактире в часы, когда ты должен быть за работой, то он на следующее же утро напомнит тебе о платеже и потребует свои деньги в тот момент, когда их у тебя не окажется» (Вебер, 2002: 32–33).

Интересно, что свой труд немецкий социолог написал после посещения Америки, находясь под непосредственным впечатлением от увиденного там (в частности, он наблюдал случай крещения в баптистской церкви молодого человека, который принял веру, решив заняться бизнесом). Более того, есть точка зрения, что в своей работе Вебер описывает не столько капиталистический дух сам по себе, сколько черты именно американского национального характера (Керов, 2002). Если это действительно так, то возникает вопрос: в чем причина подобного возвышения Америки на поприще развития у себя капиталистического «духа»? Если следовать культурцентристской логике Вебера, то ее можно объяснить значительным количеством протестантских сект, наличие которых способствовало развитию предпринимательства. Однако здесь есть и другое объяснение — не культурцентристское, а естественно-научное, натуралистическое, принадлежащее другому великому ученому того времени — англичанину Герберту Спенсеру.

Как и у М. Вебера, у Г. Спенсера — необыкновенные впечатления от увиденного в Америке. Он говорит о «колоссальном развитии материальной культуры», которое ему пришлось там наблюдать (Спенсер, 1999: 1385). По его мнению, такой успех Соединенных Штатов объясняется не только ролью свободных учреждений, американской демократией, сколько определенными естественными причинами, — такими как «минеральные богатства и обширные пространства девственной почвы» (там же:

1386), а также то немалое культурное наследие, которое получила Америка от Европы. Но главным образом необычайный успех развития американского общества объясняется, по Спенсеру, особенностями характера американцев: «В лицах американцев я замечаю всегда непреклонную решимость — нечто вроде: “сделай или умри”, — и эта черта характера, в соединении с рабочей силой, превосходящей силу других народов, создает, понятно, прогресс, беспремерный по скорости развития. К тому присоединилась также и их изобретательность, поддерживаемая необходимостью экономии труда и так разумно поощряемая» (там же).

При этом особенность позиции Спенсера (в отличие от Вебера) состоит в том, что при объяснении черт американского характера он обращается не столько к культурным влияниям (этика протестантизма), сколько к данным биологии, эволюционной теории. Он говорит о будущем Америки, о том, что ей только предстоит выработать для себя определенную социальную форму жизни, полагая при этом, что она «будет по своему достоинству очень высока», а «один громадной важности результат... и теперь уже достаточно очевиден» (там же: 1393). Этот результат, по Спенсеру, заключается в том, что многочисленные смешения на американской почве различных разновидностей арийской расы создадут в будущем тип человека, гораздо более гибкого и адаптивного, чем те, которые имелись до сих пор, который станет основой более высокой цивилизации.

Несмотря на противоположность методологий М. Вебера и Г. Спенсера, думается, возможно рассматривать их как *дополняющие друг друга*, поскольку они подчеркивают, с одной стороны, влияние социокультурных факторов (Вебер), а с другой стороны, факторов природных, биологических (Спенсер).

Здесь представляется уместным дать некоторую иллюстрацию того, что же представляло собой американское общество конца XIX века — общество, успехами которого так восхищались упомянутые выше мыслители. Описание экономической жизни Североамериканских Соединенных Штатов рубежа XIX–XX вв. — это, прежде всего, описание «общества изобилия», возникшего, как бы мы сегодня сказали, на основе инновационной экономики. Что же происходит здесь? Постоянно что-то внедряется и изобретается. Самым главным достижением становится применение электрической энергии. Наиболее впечатляющий период с точки зрения развития экономики — 1885–1905 гг. (примерно то время, когда Вебер и Спенсер посетили Америку). В этот период в американскую жизнь вошел целый ряд изобретений: «телефон, фонограф, недавно изобретенная разновидность пианино, электрическая лампочка, фотоаппарат, печатная машинка, велосипед, двигатель внутреннего сгорания, искусственные волокна, кассовый аппарат, затемненное стекло “Тиффани”, уничтожившие вредителей пестициды...» (Кузнецова, Уткин: 207). Были возведены два моста: Бруклинский в Нью-Йорке и мост через Миссисипи у Сент-Луиса. При этом даже самые незначительные изобретения имели большое значение, так как меняли жизненный мир американца. Например, изобретение бумажного пакета, ставшего очень популярным. Производство бумаги из вторичных отходов, подешевевшие газеты. В результате возникали огромные культурные и социальные последствия от использования бумаги в промышленных масштабах.

Целый ряд промышленных инноваций повседневного значения, которые входят в мир американца: «Леви-Строс одел американцев в синие джинсы с медными заклепками. Жилетт определил способ американского бритья. Липтон создал чайные пакеты, Хайнц полил сосиски кетчупом, Нестле дал утренний кофе, Эдисон осветил ноч-

ной мир американских городов. Магазины “Вулворт” охватили всю страну стандартными изделиями. Пульман по-прежнему заботился о спальнях вагонов. Страна начала сносить потрескавшийся мир старых домов» (там же: 208). Кругосветное путешествие Пулитцера менее чем за 80 дней, популярность карикатур, появление книг комиксов, понятия «желтой прессы» и т. д.

Организация популярных выставок, особенно работавшая в Чикаго в 1893 г., которую посетили 25 млн человек. Выставка была посвящена 400-летию американской цивилизации. В павильоне свободных искусств передовые американские эксперты предлагали «свои концепции религии, положения в мире женщины, проблемы молодежи» и т. д. (там же). Шокировало «море электрического света — особенно в павильоне электричества» (там же: 208–209).

Важен вопрос: какой фактор предопределяет возникновение такого феномена, как американская экономика, способствовавшая необыкновенному развитию материальной культуры? Это прежде всего работа, труд, который занимает особое место в жизни западного общества примерно с XVIII столетия, и обычно связывается с распространением протестантской религиозности. Как пишет И. М. Супоницкая, «работа заняла центральное место в жизни общества и индивидуумов. Именно система постоянного и упорного труда создала современное западное общество всеобщего благосостояния, или общество изобилия, как называют его в США» (Супоницкая, 2010: 259).

Эти черты национального характера американцев (приверженность постоянному систематическому труду) весьма напоминают черты характера людей Восточной и Юго-Восточной Азии, при всех цивилизационных и даже антропологических различиях, существующих между ними. Общее же, с нашей точки зрения, обусловлено важными характерологическими созвучиями — а именно, доминированием определенного характерологического типа — аутистического (замкнуто-углубленного), с присущим ему особым чувством порядка-гармонии, сказывающемся, в том числе, и в экономической деятельности.

* * *

Сегодняшнее возвышение целого ряда незападных стран получило в концептуальном плане название «нового Нового времени для незападных стран» (В. Г. Федотова; см., например: Федотова, Колпаков, Федотова, 2008: 536–558), вследствие того, что развитие осуществляется на собственных культурных основаниях, при необходимом заимствовании западного опыта (вестернизации).

Выше мы уже ссылались на мнение известного философа-китаевода В. Г. Бурова, который считает комплекс национально-психологических черт, присущих, в частности, китайцам, одной из ключевых основ современной модернизации Китая. Тем не менее, есть литература довольно старая (начало XX в.), исходящая из естественно-научной методологии, и дающая удивительно точные выводы относительно национально-психологических особенностей различных народов (рас), влияющих на разные стороны их жизнедеятельности. Это, прежде всего, классический труд русского психиатра и антрополога, автора важных научных открытий в психиатрии и психологии Ивана Алексеевича Сикорского (1842–1919) «Всеобщая психология с физиогномикой» (Сикорский, 1904). Сикорскому принадлежит заслуга создания особой естественно-научной дисциплины — антропологической психологии, согласно которой психологические особенности народов являются результатом воздействия не столько

социальных и культурных факторов, сколько факторов *конституциональных*, природно-генетических. В частности, представляет интерес то, что опишет о китайцах и других представителях «желтой» или монголоидной расы, опираясь на современные ему данные физиогномики.

И. А. Сикорский выделяет следующие основные психологические черты желтой расы. К ним относятся: внимательность, дисциплинированность, а также волевые качества (настойчивость и неуступчивость), проявляемые как в мирном труде, так и во время военных действий (то, что исследователь называет «фанатизмом»). Он обращает внимание на особую развитость у представителей монголоидной расы чувственно-началадушевной организации, его перевес над началом рациональным (последнее ученый называет «умом»). Эта особенность (*доминирование чувственно-интуитивного познания над отвлеченным, абстрактно-логическим, рациональным*) как типичная черта мышления китайцев, японцев, других народов Восточной Азии отмечается сегодня многими исследователями. В этом преобладании чувственного, эмоционального над отвлеченно-логическим, рациональным, как и вообще в телесном облике многих народов Восточной Азии, видится некая ювенильность (юношеское состояние), вместе с синтоноподобностью (естественностью, доброжелательностью).

И. А. Сикорский говорит о чрезвычайно высоких адаптивных способностях монголоидов. Он пишет: «Сравнительная приспособляемость народов к внешней среде и невосприимчивость к болезням неодинакова... Обстоятельство это... является одним из важных условий для будущности рас. По-видимому, наиболее выносливой расой являются китайцы и вообще монголы: они довольствуются однообразной пищей, неуступчивы в труде и мало предрасположены к чахотке и сифилису» (там же: 75). К этому можно было бы добавить и чрезвычайно интересную характеристику Сикорским японцев, которые, по его мнению, в результате смешения трех разных рас — черной, желтой и белой (айны) — «дали расу более талантливую, нежели расы черных и желтых в отдельности» (там же: 76). Здесь трудно не вспомнить о выдающихся успехах японцев в области высоких технологий: электронике, робототехнике, автомобилестроении, а также их успешность в экономической и политической модернизации.

Но главное, все же думается, это прагматизм китайцев и других восточных азиатов, который делает их в ментальном плане весьма похожими на людей Запада. Не случайно поэтому современный философ-неоконфуцианец Ту Вэймин приводит следующую характеристику восточноазиатских народов в их отношении к модернизации: «...восточноазиатские интеллектуалы были прилежными учениками школы Запада на протяжении более чем столетия. <...>Поразительна была их приверженность к существенной, значительной или даже полной вестернизации. С помощью своего восприятия и опыта “из первых рук” того, каким образом принято было действовать на современном им Западе, они полностью трансформировали экономику, политическое устройство, систему образования и общество своих стран. Такая позитивная самоидентификация с Западом и активное участие в фундаментальной перестройке своего “жизненного пространства” позволило им добиться поразительного успеха в том, чтобы достичь сходства с западными странами» (Ту Вэймин, 2012: 11).

Эти и другие особенности национального характера восточноазиатских народов отчетливо обнаруживают себя в основных слагаемых модернизации Восточной Азии во второй половине XX в. Коротко назовем их, опираясь на содержательную статью отечественного специалиста по модернизации В. А. Красильщикова (Красильщиков, 2003).

1. Первое и важнейшее условие успешного экономического развития стран этого региона — наличие твердого правового порядка, учреждаемого и поддерживаемого властью. Существует прямая связь успешной экономики в «капиталистическом» Сингапуре и «коммунистическом» Китае с культивированием в этих странах жесткой общественной дисциплины и законности.

2. Наличие «государства развития», политических режимов, нацеленных на осуществление модернизации. Такая нацеленность является не только характеристикой элит, но и особенностью сознания масс, что обеспечивает необходимый национальный консенсус. Важна готовность жертвовать сиюминутными интересами ради выгоды в будущем.

3. Осуществление в этих странах, наряду с политикой промышленного развития, реформ в сельском хозяйстве, которые были необходимы для того, чтобы накормить огромное население. Эти реформы проводились одновременно с созданием современной промышленности и рассматривались как важная часть политики преобразований.

4. Готовность обществ к культурным самоизменениям. Наиболее готовым к модернизации оказались *этнические китайцы* (в том числе, китайские диаспоры тех стран, где китайцы не являются титульным этносом). Напротив, представители иных этносов (например, малайцы) были значительно менее восприимчивы к особенностям рыночной экономики. В некоторых из стран (Малайзия) осуществлялась политика рекултуризации, т. е. привития навыков рыночного хозяйствования через создание возможностей участия в соответствующих социальных практиках (привилегированные возможности ведения бизнеса для малайского населения).

5. Активная социальная политика, направленная на искоренение бедности и преодоление неравенства. Даже при высоком уровне социального расслоения (современный Китай) рост благосостояния одной части населения (средний класс) обязательно сопровождается ростом благосостояния более бедных слоев (например, крестьянства). Большая забота об образовании населения (особенно получение среднего образования). Весьма характерна здесь приравненность зарплаты учителя средней школы к зарплате капитана армии в авторитарной (прежде) Южной Корее.

6. Постепенный характер проводимых преобразований. В отличие от российского метода «реформирования по всем азимутам» (выражение советского лидера М. С. Горбачева — творца перестройки второй половины 1980-х годов) — постепенные, поэтапные преобразования, когда реформы начинаются в одной сфере (например, в сельском хозяйстве, или в легкой промышленности), и далее продвигаются в *направлении более сложных сфер* народного хозяйства (наукоемкая промышленность, машиностроение, системы безопасности, современная электроника). Характерен пример реформ Дэн Сяопина в Китае, где осуществлялась не одна, а четыре модернизации (начиная с сельского хозяйства). В этом сказывается влияние менталитета китайцев, не терпящего спешки, предпочитающего системность и последовательность.

7. Использование благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры (переход Запада из индустриальной в постиндустриальную фазу начиная с 1960-х годов). Важно и открытие странами Запада (прежде всего США) своих рынков для промышленной продукции восточноазиатских стран (в немалой степени из-за противостояния с социалистическим блоком). Также — использование преимуществ глобализации, возможности инвестирования более развитыми странами (США, Япония) в экономики менее развитых стран (например, Южная Корея). Использование специфической

экономической стратегии «летающие гуси», когда есть одна страна-лидер, которая «подтягивает» до своего уровня менее развитые страны, передавая им соответствующие производства и технологии.

8. Пожалуй, самое главное — труд, трудовые усилия людей этого региона. Готовность работать при удлинённом рабочем дне и рабочей неделе за сравнительно скромное вознаграждение. Ежедневная кропотливая работа миллионов людей, работающих от зари до зари (начиная с простых сборщиков и заканчивая высшими менеджерами предприятий).

Таким образом, можно сделать вывод о взаимосвязанности всех основных слагаемых «азиатского чуда» — от создания основ правового государства до упорного производительного труда. И природной, характерологической основой, на которой выстраивается здание модернизации конфуцианского региона, как мы полагаем, выступает особый вариант замкнуто-углублённого (аутистического) характера. Почему так происходит? Думаем, что, как и в случае американцев, аутистичность выступает здесь природной основой особого чувства порядка-гармонии, которое «изнутри» стимулирует хозяйственную инициативу и позволяет достигать выдающихся экономических успехов. В то же время можно отметить и ограничения восточноазиатского экономического чуда: они заключаются в отсутствии своей науки, в том числе научно-технической базы для создания высоких технологий. Наука, технологии — это прежде всего заимствования с Запада. И здесь тоже видятся причины характерологического свойства (нет столь же выраженного рационалистического начала).

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ

Каковы же особенности русского характера, и как они соотносятся с задачами модернизации? Эти особенности принципиальным образом отличаются от вышеописанных черт характера американцев и восточноазиатских народов и отчетливо звучат уже в русском фольклоре (русские сказки).

Как отмечает А. В. Павловская, «сила Ивана-дурака — и в этом также выразился своеобразный народный идеал — в простоте, искренности, отсутствии меркантильности и прагматизма. <...>Важной чертой Ивана-дурака является сострадание, он помогает всем, кто просит о помощи, даже если это и идет на первый взгляд во вред ему самому. <...>Жалостливость — одно из любимых свойств русской природы. Проявляется она в самых разных областях. <...>Еще одним важным качеством русского героя является скромность. <...>В образе Ивана-дурака нашли отражение наиболее ценные в народе качества — сострадание, готовность помочь ближнему не ради выгоды, а от души, незлобивость, верность слову, скромность. Главные же недостатки воплощены в людях практических, представляющих противоположность герою, таких, например, как его братья» (Павловская, 2009а: 49–51).

Эти черты полностью укладываются в описанное выше понятие дефензивности или психастеноподобности (подобие личностных черт психастеническому (тревожно-сомневающемуся) характеру). Как отмечает М. Е. Бурно, главное для человека дефензивного (психастенического) склада — не богатство, не власть, а искреннее стремление служить людям, мировому Добру. Это нравственное служение есть своеобразная природная защита, лечение от мягкой деперсонализационности (неестественности своего чувствования), присущей психастенической (психастеноподобной) натуре. Как считает Бурно, мягкая психастеничность, психастеноподобность со стремлением

к общественной пользе есть основной «национальный мотив» русской души, который в наиболее сгущенном виде проявился в характере русской интеллигенции (Бурно, 2016: 274).

Какие еще черты, также проистекающие из данной базовой или модальной (для России) личности, несет в себе русский характер?

А. В. Павловская указывает на следующие качества носителей русской культуры: «Однозначным является отношение к богатству. Жадность воспринимается как большой порок. Бедность же является достоинством» (Павловская, 2009а: 64). В русской культуре «нет святости понятия труда, того особого трепетного отношения, на грани “труд ради самого труда”, которое свойственно, например, Германии или современной Америке» (там же: 65). В сказках, как и в русском народе «сильна вера в чудо. <...> Нигде чудесное так не довлеет над сюжетом, как в русских (сказках.— Г. К.). <...> Русские сказки удивляют часто отсутствием логики и здравого смысла. <...> Именно поэтому русские сказки так трудно понять народам с рациональным мышлением. Так же как трудно понять и поступки русского человека...» (там же: 66–67).

Наконец, еще одна важная черта русского характера, связанная с трудовой деятельностью. Русским для того, чтобы полноценно трудиться, нужно, чтобы этот труд был наполнен каким-то высоким смыслом, чтобы в его основании лежала значимая для русского человека идея. Иными словами, необходимо творческое вдохновение, без которого труд не будет восприниматься как нечто ценное (там же: 291).

Итак, как оценивать русский характер с точки зрения социального развития, модернизации? Очевидно, что это характер человека традиционного общества (крестьянский характер), в его русском (российском) варианте. Среди черт этого характера — на первом плане высокое нравственное общественное служение (воплотившееся в деятельности русской интеллигенции), а качества, которые способствуют капиталистической модернизации (индивидуализм, прагматизм, наличие здравого смысла), расцениваются как вторичные, или даже оцениваются негативно. В этом смысле, вероятно, для России больше подходит некапиталистический путь развития, попытка которого была предпринята в СССР. Во всяком случае, очевидно, что русский характер скорее становится тормозом для модернизации, нежели способствует ей.

Попробуем объяснить, почему это так. Дело в том, что модернизация требует системности и последовательности действий, в то время как русский характер — характер *нерациональный* в своей основе. В исторических источниках подчеркивается нехватка у русских здравого смысла в понимании его как расчетливости, способности извлекать выгоду, пользу. В XIX в. это отсутствие здоровой логики отмечается исследователями как общенациональная черта (там же: 288). Эта особенность русского характера сохранилась по сей день, проявляясь и на бытовом уровне, и в политике. В литературе приводятся весьма красноречивые примеры, демонстрирующие эту нерациональность русских (горбачевская идея «реформирования по всем азимутам»; сегодняшнее стремление руководителей российских регионов сделать свои регионы постиндустриальными к 2025 г., что, по словам В. Г. Федотовой, является «насмешкой над здравым смыслом» (Федотова, 2015: 113). Отметим, что такое поведение прямо противоположно китайскому подходу с его неспешностью, системностью и последовательностью (упомянутые выше четыре модернизации Дэн Сяопина).

В то же время, должны ли мы полностью согласиться с выводами представителей либерального мейнстрима и принять вывод о том, что российская традиция является абсолютно бесперспективной в плане модернизационных усилий? Представляется,

что это не так, и кроме концепций, критикующих русский характер и менталитет с западных позиций (их обзор см., например: Канарш, 2014b, 2015), в российском научном дискурсе есть концепции более сбалансированные, показывающие, что и внутри российской традиции есть элементы, которые оказываются вполне совместимыми с задачами модернизации (хотя бы и на свой, русский лад).

Традиции предпринимательства. Здесь в качестве примера можно привести концепцию русского мира историка А. В. Павловской. В ее рамках для нас важно то, что говорится о традициях русского предпринимательства. Как показывает Павловская, вопреки распространенным суждениям в дореволюционной России были свой труд и свое предпринимательство, которые прямо происходили из традиций крестьянского быта. Как пишет исследователь, «...идея о том, что предпринимательство по своей природе чуждо русскому человеку, не более чем миф. Любое крестьянское хозяйство в своей основе было предпринимательской деятельностью» (Павловская, 2009b: 270). Предпринимательский характер деятельности крестьянина проявлялся, по мнению Павловской, в необходимости постоянно координировать работу членов (обычно многочисленной) крестьянской семьи, принимать рациональные хозяйственные решения, а также — участвовать в торговле и отхожих промыслах. Отсюда — врожденные качества предпринимателя в крестьянской натуре, и не случайно, что именно крестьянство стало «основным поставщиком русских предпринимателей в XIX в.» (там же).

В то же время русское предпринимательство имело свою национальную специфику, которая обнаруживается, в частности, в сравнении с предпринимательством американским. Для русских предпринимателей традиционно была характерна сильная социальная направленность, что часто объясняется влиянием православия. С одной стороны, русские купцы известны своим мотовством и расточительством, с другой — эти же люди проявили себя как величайшие меценаты, жертвовавшие огромные средства на развитие культуры. И если сравнивать в этом отношении русских и американских предпринимателей, то русские, несомненно, отличались большим бескорытием, не были столь же прагматичны и политически ангажированы, как их американские «коллеги» (см.: там же: 302–303).

Традиции коллективизма. Еще один аспект касается традиций русского коллективизма или, используя более традиционный термин, соборности. В работах многих авторов либеральной направленности считается, что именно община, возникшая под влиянием суровой природы (невозможность выживать в одиночку, но только сообща), и стала главным тормозом модернизации хозяйства в России, поскольку сдерживала развитие индивидуализма и основанных на нем более эффективных хозяйств. В то же время, как пишет, например, В. С. Степин, с разрушением традиционной для России крестьянской общины в начале XX в. некоторые важные ее черты не ушли из жизни, а наоборот, сохранились и воплотились в реалиях новой социалистической общественно-экономической формации: «Они (соборные черты общинной жизни. — Г. К.) были воссозданы в жизни производственных коллективов советской эпохи. Эти коллективы были не только профессиональными объединениями людей, но и особыми формами общения и повседневной человеческой коммуникации» (Степин, 2011: 322). Кроме того, как отмечает Степин, элементы производственной общинной традиции в советское время выполняли еще одну важную социальную функцию — защищали личность от произвола власти, давали ей некоторую (пускай и весьма ограниченную) свободу (там же).

Вопреки распространенным суждениям, указанный автор полагает, что российская коллективистская традиция при надлежащем подходе могла бы составить одну из социальных и духовных основ современной отечественной экономики: «...идеалы коллективизма и соборности, свойственные российскому духу и выступающие противоположностью индивидуализму, не должны восприниматься как некое препятствие на пути рыночных реформ. Напротив, на них вполне можно было опереться» (там же: 327).

Что же касается самого коллективизма, то, несмотря на его видимое угасание в наше время, есть надежда на восстановление этой традиции при определенных социальных условиях. Во всяком случае, как считает, например, А. В. Павловская, повсеместное распространение общин в традиционной (в том числе, советской) русской жизни свидетельствует о том, что «свойство образовывать мини-общины имманентно присуще русскому человеку» (Павловская, 2009а: 261).

Имперская государственность. Наконец, нельзя не упомянуть традиционно имперские формы развития государственности в России. Развитие капитализма на Западе, создание единого национального рынка, развитие производства и обмена, в конечном счете, привели к относительной гомогенизации населения и образованию гражданских наций. Россия же, наоборот, осуществляла свою модернизацию в принципиально иных — имперских — формах, представляя собой по сути отдельную цивилизацию, конгломерат народов, территории которых постепенно присоединялись к Московскому царству (а затем — к Российской империи) начиная с XVI в. (см., например: Атлас модернизации России и ее регионов..., 2016: 29–32). При этом многими исследователями высказывается мнение, что специфической чертой российской империи явилось то, что она, в отличие от ряда европейских колониальных империй, никогда не становилась «тюрьмой народов», но, напротив, отношения русских колонистов с присоединенными народами выстраивались на вполне добрососедских отношениях. Более того, «имперский народ», что важно, не просто присоединял к себе все новые территории, но и в значительной мере осуществлял по отношению к ним особую цивилизующую миссию, становясь в подлинном смысле «мостом между Востоком и Западом». Как пишет, например, политический философ В. Н. Шевченко, «в диалоге культур Запада и Востока, особенно начиная с петровских преобразований, Россия играет роль посредника между ними. Российская культура постоянно знакомится с прогрессивными идеями ушедшего вперед Запада, получая их главным образом через прорубленное окно в Европу... Западные идеи весьма активно обсуждаются в русской культуре, усваиваются каким-то образом, одним словом, адаптируются к российским условиям и транслируются по различным каналам — через книги и газеты, образовательные институты и личные встречи — в российскую глубинку, на Кавказ, в Среднюю Азию, в Сибирь и дальше в сопредельные страны» (Шевченко, 2003: 77).

По мнению В. Н. Шевченко, ключевая национально-психологическая особенность здесь — такое русское качество, как всечеловечность (или русская всемирность), отмеченная еще Ф. М. Достоевским. И эта всечеловечность, как отмечается, могла быть выработана только в условиях постоянного культурного диалога, который Россия вела одновременно с Западом и Востоком. Впрочем, возможна и иная трактовка — а именно, что российская природная дефензивность, психастеноподобность, с ее глубокой способностью уважительного (нравственного) отношения к представителям иных культур, стала подлинной основой данного межкультурного диалога (см., на-

пример: Канарш, 2014а). В то же время сам этот диалог вряд ли стал бы возможным без усиления этнической неоднородности России, ее полиэтничности и многоконфессиональности, что было положено присоединением к России сначала Поволжья и Приуралья (XVI в.), а затем и других регионов.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ

До сих пор мы говорили о русском народе как государствообразующем, и его этническом менталитете как основном в деле модернизации России. Однако сегодня закономерно встает вопрос о том, какова роль в этом процессе иных — нерусских — народов. В свою очередь, этот вопрос тесно связан с представлениями о судьбах российской государственности, о том, какой характер должна иметь в перспективе современная российская нация. Это — сложный вопрос, который пока не получил в российском научном сообществе однозначного ответа.

Можно выделить три различные точки зрения на этот вопрос:

1. Россия как единая надэтническая гражданская нация, по образцу европейских наций;
2. Российская гражданская нация, заключающая в себе русский народ как своего рода этнокультурное ядро (признается сегодня многими исследователями);
3. Россия как некая меганация, конгломерат многих народов, которые участвуют в определении судеб государства на равноправных и уважительных началах (российский вариант мультикультурализма) (признается меньшим числом исследователей, но это — точка зрения, распространенная в национальных республиках РФ).

Зададимся вопросом: какая из приведенных позиций является наиболее продуктивной с точки зрения развития *этнокультурного потенциала* России как важнейшего ресурса модернизации? Очевидно, что первая точка зрения мало соответствует российской действительности (с ее множеством народов и идентичностей) и может рассматриваться как малоперспективная. Вторая точка зрения имеет большее количество сторонников, и она имеет серьезные исторические основания (прежде всего, фактор колонизации русскими территорий в Урало-Поволжье, Сибири, Средней Азии и на Кавказе, а также действие таких факторов, как относительное природно-географическое единство, унифицирующая политика государства и единство лингвокультурное (значение русского языка и литературы). Есть весомые основания у утверждения, что «единая связующая основа существует при сохранении культурной самобытности разных народов, проживающих в едином российском государстве» (Павловская, 2009а: 72). При этом, отмечается, что речь идет о сохранении «единства в многообразии» (там же: 73).

Наконец, третья точка зрения представлена рядом ученых, которые считают, что российская модернизация (в том числе, построение единой гражданской нации и воспитание общегражданского патриотизма) требует большего этнического и культурного разнообразия, поэтому предлагают делать больший акцент на роли этнокультурного фактора. При этом речь идет о перспективах развития России как своего рода меганации, объединяющей в своих рамках некоторое множество этнических наций, обладающих не только собственной культурой, но и всеми атрибутами государственности. (С этой точки зрения упразднение института президентства в большинстве национальных республик (кроме Татарстана), и введение соответствующих поправок в конституции, отменяющих государственный статус, рассматривается как своего

рода наступление на права этнических меньшинств.) Такая точка зрения ближе по своей сути к конфедеративному устройству российского государства, нежели к федерации.

Почему именно третья точка зрения представляется более интересной и перспективной? Дело здесь в том, что, как полагают ее приверженцы, именно этничность и культура через процессы социализации способны придать человеку те моральные и иные социальные качества, которые потом могут оказаться востребованными в деле реализации общегражданского патриотизма (и такие факты существуют). Кроме того, наличие множества этносов и культур открывает перед государством целый спектр возможностей (в социальной политике, экономике и т. д.), которых государство было бы лишено в условиях монокультурности. Поэтому права исследовательница, утверждающая, что «полиэтничность общества ошибочно воспринимается как главный источник межэтнических трений и конфликтов. Наоборот, полиэтничность — это преимущество для государства, открывающее перед властью набор множества вариантов решения политических, экономических, социальных, культурных проблем» (Никитина, 2015: 174; см. также: Веряскина, 2014).

Весьма привлекательной видится и модель национальной политики, предлагаемая в рамках данной (мультикультурной) перспективы. Как предлагает, например, философ Э. В. Никитина, национальная политика должна выстраиваться таким образом, чтобы максимально учитывать этнокультурные (в том числе, ментальные) особенности каждого народа. В пример приводятся три различных этноса Урало-Поволжского региона: башкиры, татары и чувашаи. Так, чтобы найти поддержку у башкир, необходимо учитывать свободолюбивый и независимый нрав этого народа, поэтому, договариваясь с башкирами о чем-либо, нужно скорее сделать это в форме просьбы о помощи. Если иметь в виду татарский этнос, то здесь нужно учитывать торговый, коммерческий характер этого народа, что требует определенной «торговли» с татарами при выстраивании взаимодействия с ними, доказательства им полезности какого-либо решения. Чтобы найти поддержку у чувашского этноса, нужно иметь в виду, что чувашаи — древний боевой народ, во взаимоотношениях с которым весьма важным является выполнение требований справедливости (Никитина, 2015: 172–173). Думается, этот список мог бы быть продолжен и в отношении других крупных российских этносов как Урало-Поволжского региона, так и Северного Кавказа и Центральной Азии.

Повторим, что с точки зрения развития человеческого потенциала России, ее этнического и культурного разнообразия данный подход видится весьма перспективным, и очевидно, что он требует дальнейшего и более углубленного изучения национальных (этнических) особенностей российских этносов.

ВЫВОДЫ

1. Таким образом, очевидно, что национально-психологические особенности играют значительную роль в процессах модернизации. Наиболее выражено это проявилось в Западной Европе и Северной Америке (протестантская этика), а также в странах Восточной и Юго-Восточной Азии (этическая система конфуцианства и этнокультурные особенности китайского и других этносов).

2. Русский национальный характер, при всех своих положительных качествах (выраженный социоцентризм, ценности общественного служения) оказывается в первом приближении весьма мало совместим с задачами модернизации. Однако и внутри рос-

сийской социокультурной традиции можно найти элементы, которые, при опоре на них, могли бы способствовать более успешному вхождению в капитализм.

3. При обсуждении перспектив модернизации в России весьма важным оказывается вопрос о судьбах российской государственности — о том, какую модель государственного строительства следует предпочесть: традиционную для Европы модель наднациональной гражданской нации, российскую нацию с русским этнокультурным ядром в качестве ее основания или отличную от них обеих модель мультикультурализма (в его российском варианте).

4. Мультикультурная модель, подчеркивающая позитивную роль этничности в деле формирования единой общегражданской российской нации, представляется более предпочтительной по сравнению с первыми двумя моделями. Главная причина этого, с точки зрения развития (модернизации), состоит в том, что этническое и культурное разнообразие положительно сказывается на качестве человеческого капитала, являющегося одним из ключевых предпосылок успешного социального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы (2016) : коллективный научный труд / сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н. И. Лапин. М. : Весь мир. 360 с.

Бурно, М. Е. (2008) О характерах людей (психотерапевтическая книга). Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Академический проект ; Фонд «Мир». 639 с.

Бурно, М. Е. (2016) Терапия творчеством и алкоголизм. О предупреждении и лечении алкоголизма творческими занятиями, исходя из особенностей характера : практическое руководство для врачей, психологов, педагогов, специалистов по социальной работе, социальных работников. М. : Институт консультирования и системных решений ; Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига. 632 с.

Буров, В. Г. (2009) Человеческий фактор в политике государства (Россия и Китай: сравнительный анализ) // Антропологическое измерение российского государства / отв. ред. В. Н. Шевченко. М. : ИФРАН. 214 с. С. 145–193.

Васильев, А. С. (2013) Россия и Китай: итоги посткоммунизма [Электронный ресурс] // Независимая газета. 3 апреля. URL: http://www.ng.ru/ideas/2013-04-03/5_rus_china.html [архивировано в WaybackMachine] (дата обращения: 28.09.2017).

Вебер, М. (2002) Протестантская этика и дух капитализма : пер. с нем. Ивано-Франковск : Ист-Вью. 352 с.

Веряскина, В. П. (2014) Политика мультикультурализма — ответ на вызовы культурного многообразия в мире // Россия в глобальных сценариях XXI века : материалы Междунар. науч. конф. (Дубна, 11 апреля 2014 г.) / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Н. Г. Багдасарьян, д-ра филос. наук, проф. В. Г. Федотовой. Дубна : Междунар. ун-т природы, о-ва и человека «Дубна». 249 с. С. 95–100.

Волков, П. В. (2013) Психологический лечебник: Разнообразие человеческих миров : руководство по профилактике душевных расстройств. М. : Этерна. 639 с.

Исследования национального характера и картины мира [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2002. №3 (4). URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/3/issledovaniya-nacionalnogo-haraktera-i-kartiny-mira> [архивировано в WaybackMachine] (дата обращения: 28.09.2017).

Канарш, Г. Ю. (2014а) Прошлое и будущее национальной идеи в России // Вестник Российской академии наук. Т. 84. №5. С. 441–447. DOI: 10.7868/S0869587314050089

Канарш, Г. Ю. (2014b) Роль этнокультурного фактора в истории модернизации (на примере России) // История модернизации как предмет социально-философского анализа / отв. ред. В. Г. Федотова, В. А. Колпаков. М. : ИФРАН. 231, [2] с. С. 163–181.

Канарш, Г. Ю. (2015) Труд и экономическая культура в контексте российской модернизации // *Философские науки*. №10. С. 9–22.

Керов, В. А. (2002) Современное звучание теории Макса Вебера и А. И. Неусыхина о протестантизме // Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма : пер. с нем. Ивано-Франковск : Ист-Вью. 352 с. С. 260–274.

Красильщиков, В. А. (2003) Азиатские «тигры» и Россия: страшен ли бюрократический капитализм? // *Мир России*. Т. 12. №4. С. 3–43.

Кузнецова, Т. Ф., Уткин, А. И. (2010) История американской культуры : учебник для вузов. М. : Человек. 432 с.

Латова, Н. В., Тихонова, Н. Е. (2010) Модернизация и характеристики российской национальной ментальности // *Готово ли российское общество к модернизации?* / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир. 344 с. С. 273–297.

Мижерова, К. М. (2015) Характерологическая креатология, психотерапия и экономические учения // *Психотерапия здоровых. Психотерапия России : практическое руководство по характерологической креатологии* / сост. и отв. ред. Г. Ю. Канарш ; общ. ред. М. Е. Бурно. М. : Ин-т консультирования и системных решений. 744 с. С. 454–461.

Моисеева, Н. А., Сорокикова, В. И. (2003) Менталитет и национальный характер (о выборе метода исследования) // *Социологические исследования*. №2. С. 45–55.

Никитина, Э. В. (2015) Специфика менталитетов народов Поволжья и Приуралья (татар, башкир, чувашей, мордвы, удмуртов, марийцев). Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та. 200 с.

Павловская, А. В. (2009a) Русский мир: характер, быт и нравы : в 2 т. М.: Слово/Slovo. Т. 1. 589, [2] с.

Павловская, А. В. (2009b) Русский мир: характер, быт и нравы : в 2 т. М.: Слово/Slovo. Т. 2. 541, [2]с.

Психотерапия здоровых. Психотерапия России : практическое руководство по характерологической креатологии (2015) / сост. и отв. ред. Г. Ю. Канарш ; общ. ред. М. Е. Бурно. М. : Институт консультирования и системных решений. 744 с.

Разные характеры в живописном произведении (синтонный, аутистический, тревожно-сомневающийся, полифонический) [Электронный ресурс] // *Естественно-научные исследования творческого процесса*. URL: http://www.characterology.ru/creative_works/paintings/Different_characters_in_paintings/ [архивировано в WaybackMachine] (дата обращения: 28.09.2017).

Сикорский, И. А. (1904) Всеобщая психология с физиогномикой в иллюстрированном изложении. Киев : Тип. С. В. Кульженко. [2], VIII, 576 с.

Спенсер, Г. (1999) Американцы // Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / пер. с англ. под ред. Н. А. Рубакина. Мн. : Современный литератор. 1408 с. С. 1385–1405.

Степин, В. С. (2011) Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП. 408 с.

Супоницкая, И. М. (2010) Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М. : РОССПЭН. 298, [1] с.

Ту Вэймин (2012) Подъем «конфуцианской» Восточной Азии: истоки и исторический смысл // *ПОЛИС. Политические исследования*. №1. С. 7–25.

Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008) Глобальный капитализм: три великие трансформации. М. : Культурная революция. 608 с.

Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2013) Какая модернизация и какой капитализм нужны России? // *Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт* / отв. ред. В. Г. Федотова. М. : ИФРАН. 221 с. С. 41–56.

Федотова, В. Г. (2015) Модернизация Китая и ее уроки для России // *Философские науки*. №1. С. 99–115.

Федотова, В. Г. (2016) Модернизация и культура. М. : Прогресс-Традиция. 336 с.

Шевченко, В. Н. (2003) О роли России в разрешении цивилизационного конфликта «Запад — остальной мир» // *Личность. Культура. Общество*. Т. V. Вып. 3–4 (17–18). С. 75–86.

Дата поступления: 28.09.2017.

Канарш Григорий Юрьевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН. Адрес: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: grigkanarsh@yandex.ru

Kanarsh Grigory Yurievich, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12 Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 697-98-93. E-mail: grigkanarsh@yandex.ru

Для цитирования:

Канарш Г. Ю. Национально-психологические особенности в процессах модернизации [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 5. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/601> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI 10.17805/ggz.2017.5.4